

Мотор белорусской эстрады



Сказки о детстве

Финберг стеснялся своего бедного еврейского детства в послевоенном Мозыре. Город с населением 20 тыс. человек был ни много ни мало центром Полесской области. Музыкальная школа. Клуб. Дом пионеров, открывшийся уже тогда, когда Мозырь стал райцентром, – в 1958 году. Райцентр – самый центр рая. Занятно, что в тот самый год в городе и его окрестностях проходили съемки фильма Льва Голуба «Девочка ищет отца».

Борьба с космополитизмом была в разгаре, и, конечно же, Миша (по-домашнему, я думаю, Моисей) слышал от своей еврейской мамы то же, что слышали тысячи других еврейских детей. Что главное в жизни – учиться, учиться и учиться. И не просто учиться, а получать пятерки – советские крепкие пятерки по пятибалльной системе, – иначе даже не показывайся мне на глаза! А чтобы еврею поступить в институт,

21 февраля Михаилу Финбергу исполнилось бы 75 лет...

Михаил Яковлевич Финберг – загадочная фигура. Таким он был при жизни – а Минск попрощался с ним 11 декабря 2021 года. Таким он остается и в эти дни, когда мы отмечаем 75-летие со дня его рождения.

Финберг был двуязычен. По-белорусски рассказывал сказки. По-русски был искренен, бескомпромиссен и ясен. Никаких слов-паразитов, никакого жевания соплей.

В нем жил беспокойный ревуший мотор, работавший всегда на предельных оборотах. Мотор, от которого зажигалось и двигалось все: фестивали, концерты, люди, вещи, телевидение и радио, дружба и вражда.

надо знать предмет минимум на шестерку, а лучше на десятку – опять-таки по пятибалльной системе.

Вот с этими убеждениями он входил в жизнь. Меня тоже так воспитывали. Отсюда эта фанатичная вера в образование. Непременно образование, причем самое лучшее, каким бы ярким ни был талант.

Семья, в которой родился будущий дирижер, была простая и набожная. Отец Янкель Финберг – рабочий, убежденный коммунист, мать Бея, в девичестве Кацман, – прачка. Четверо детей, из которых трое

Янкель и Бея – родители Михаила Финберга.
Мозырь, конец 1950-х годов





Миша Финберг (справа) с сестрой Майкой. Мозырь, начало 1950-х годов

появились на свет задолго до войны. Плюс еще одна девочка, Зина, умершая в поезде по дороге в эвакуацию.

По-видимому, оба родителя были родом из Мелешковичей, что в 33 километрах от Мозыря.

– Мелешковичи считались до революции относительно крупным населенным пунктом, там проживали 500 семей, – рассказывает сын дирижера Александр (Эли) Финберг, много лет проживающий в Канаде. – В селе были школа, медпункт, церковь, синагога, имение помещика. Работали ремесленники: портные, сапожники, кузнецы, столяры, кровельщики, печники.

Находились там и народное училище, и конная мельница, и трактор, а в начале XX века – почта и акушерско-фельдшерский пункт.

Насчет Бели Кацман достоверно известно, что она там родилась, что отец ее Борух был кузнецом и молился по утрам, а жену его Миру звали в местечке Ковалихой. В доме было восемь детей.

– Семья Кацманов жила тяжело, но не бедно, – продолжает свой рассказ Эли Финберг. – Был свой дом, птица, корова. Засевали огород, растили картошку, сушили сено. Летом собирали ягоды и грибы и заготавливали их на зиму. Девочки стали портнихами, старший Гершель работал сапожником.

Беда пришла в 1918 году, когда отец семейства умер от испанки, а в Мелешковичи ворвалась гражданская война. Местечко чуть не каждый день переходило из рук в руки. То немцы, то петлюровцы, то Булах-Булахович со своими бандитами, то поляки, которые при отступлении устроили кровавый погром и половину домов сожгли.

– Когда очередные бандиты удерживали Мелешковичи, речь идет об осени 1919 года, семья бабушки пряталась в лесу, – рассказывает Эли Финберг. – Оста-

ваться в лесу ночью из-за холода не представлялось возможным, и тогда Кацманов приютила хорошая белорусская крестьянская семья. Днем они, тем не менее, возвращались в лес.

Дом был сожжен, старший брат Гершель угнан в Польшу в качестве военнопленного и вернулся через три года инвалидом. Семья скиталась по окрестным деревням, зарабатывая шитьем. Муж одной из сестер был сапожником.

В 1922 году 17-летняя Беля вышла замуж за 23-летнего Янкеля Финберга. Жили сначала в Мелешковичах, потом перевезли дом в Мозырь. Там, в этом доме, и родился будущий маэстро.

– Жили трудно, бедно, – делится семейной историей Эли Финберг. – Беля натурально тащила на себе дом. Семья много пережила, пока в 1967 году не переехала в Минск. Бабушка вручную обстирывала парикмахерские, военных. Работала в огороде. Они держали козу, свинью. Однажды коза принесла козлят. И папин брат Семен дал им имена своих братьев и кузенов. Так в их дворе появились козлята Миша и Боря, козочка Майка.

Семен в 1952 году умер от последствий перенесенного во время войны туберкулеза. Наверняка это событие больно ударило по сердцу пятилетнего Миши.

Но была в его детстве и огромная, безмерная материнская любовь, и забота, и нехитрые яства, которые мама готовила с таким невероятным искусством, что никакие звезды Мишлен не смогли бы ее в этом затмить.

Миша Финберг (в центре) с племянницей Женей и с отцом на прогулке по Минску. Конец 1950-х годов





Семейная фотография в Мозыре, конец 1950-х годов.
В первом ряду: Миша Финберг, его отец Янкель, мать Бея



Михаил Финберг с баяном.
Начало 1960-х годов



Михаил Финберг.
Конец 1950-х годов

Именно мать поддержала Михаила Финберга в его стремлении стать музыкантом. Из своих скудных заработков она платила 65 рублей в месяц учителю, чтобы ее Миша занимался музыкой.

«Мой брат служил в городе Иркутске, и помню, как он на 1 Мая привез в Мозырь маленький баянчик».

Это одна из немногих историй о музыкальном детстве Финберга, в которые я верю.

Играл на скрипке? Но откуда тогда фотография, где он играет на баяне, а фотографий со скрипкой, как назло, нет? В тему и история, которую маэстро поведал в одном из последних интервью:

– Мой брат служил в городе Иркутске, и помню, как он на 1 Мая привез в Мозырь маленький баянчик.

Кстати, этот брат – Борух Янкевич Финберг – интереснейшая личность. В 18 лет, не имея одного пальца на руке, а еще два пальца хоть и были, но не двигались, он в июле 1941 года записался добровольцем воевать с гитлеровцами.

«...И с того момента все время находится в действующей армии, работая в системе Военных Трибуналов, – записано в приказе о представлении его на орден Красной Звезды. – Товарищ Финберг неоднократно участвовал в судебных процессах непосредственно в частях и подразделениях на переднем крае. Оказывал большую помощь командованию частей в оформлении ходатайств об освобождении от наказания и снятия судимости с осужденных, проявивших себя в боях. Никогда не проявлял трусости, а вел се-

бя как стойкий офицер. ...В быту скромн, морально устойчив. Предан партии Ленина-Сталина и социалистической Родине».

Он также был кавалером ордена Отечественной войны II степени и награжден множеством медалей.

Любопытно, что Финберги не испытывали иллюзий по поводу немцев и рванули на восток, как только враг пересек границу. Кто-то из евреев, белорусов думал, что советская пропаганда врет, а немцы такие же «добренькие», какими были в 1918 году. И эти «умные», «хитрые», «прозорливые» окончили свою жизнь в расстрельных рвах или в душегубках. А те, кто верил советской власти, спаслись. Поучительно, не так ли?

Но вернемся к нашему маэстро и к его детским занятиям музыкой.

– На квартире у нас жил музыкант, – рассказывал Михаил Яковлевич полстолетия спустя. – Он был уже в возрасте и играл на похоронах. Он приходил, вынимал инструмент и что-то такое на нем дудел, а я старался это перенять, но у меня не получалось, потому что нужно было приобрести абсолютный слух. Что у меня впоследствии и получилось. Я с абсолютным слухом прожил всю жизнь и очень этим горжусь и дорожу, потому что без абсолютного слуха музыкантом быть нельзя.

Как-то в другой раз он обмолвился, что это был альт, а в биографической справке на сайте Национального концертного оркестра есть информация о том, что первый учитель мальчика, Петр Гинсбург, стал учить его сначала на теноре, потом на кларнете и саксофоне.

Все это вполне вероятно и возможно. Но история о том, что юный Финберг то ли пять, то ли восемь раз безуспешно поступал в музыкальное училище, представляется мне абсолютно неправдоподобной.



Михаил Финберг во время службы в армии. Середина 1960-х годов



Михаил Финберг в оркестре Белтелерадиокомитета. Конец 1960-х годов



Михаил Финберг играет на тромбоне. Середина 1970-х годов

По крайней мере, если принять как факт, что он родился в 1947 году.

В музыкальное училище принимают с 15 лет; и именно в 1962 году будущий маэстро оказался в армии, в Курске, в военном оркестре, которым руководил Алексей Борисович Каплан. Берут ли в армию в 15 лет? Очень сильно сомневаюсь.

В любом случае оттуда, из Курска, Финберг очень удачно для себя сумел вернуться на Родину:

«Он с детства видел себя военным дирижером вроде Бориса Пенчука, который блистал в белом кителе на минских парадах».

– Служивший у нас композитор Константин Титар подсказал, что нужно написать письмо в Москву на имя министра обороны, пусть они переведут меня опять в Минск. Он сам написал это письмо, и оно сработало!

Удивительно в этом рассказе слово «опять». Возможно, за ним скрываются еще и другие неведомые нам биографические подробности.

Так или иначе, из Курска Финберг перевелся в оркестр штаба Белорусского военного округа, ударными темпами окончил Минское музыкальное училище по классу тромбона, при поддержке тогдашнего ректора, композитора Владимира Владимировича Оловникова поступил в Белорусскую государственную консерваторию, затем в аспирантуру...

Но кроме упорной учебы, он находил время и на другие, не менее важные университеты, которые помогли ему проложить свой путь в искусстве.

В обнимку с тромбоном

О том, каковы были эти университеты, мне поведал замечательный нефролог, кандидат медицинских наук, а в юности еще и блистательный саксофонист-любитель Владимир Александрович Войтович.

– Мы встретились в 1967 или в 1968 году, будучи студентами, – вспоминает он. – Миша не оставлял тогда особо яркого впечатления. Хорошо помню его лицо в оркестре Радиокомитета, которым руководил в те времена Борис Райский. Однажды в морозный зимний день – дело было на каникулах – звонит мне мой приятель, замечательный музыкант и аранжировщик Андрей Шпенев: «Володя, приезжай, местечко есть для тебя! Тебя хотят здесь видеть!»

Войтович приехал, сыграл, его взяли, но надолго он в оркестре не задержался. Начался семестр в медицинском институте, и стало очевидно, что одно несовместимо с другим. Но завязавшаяся дружба сохранилась на долгие годы.

– Работая рядом с Мишей в оркестре, я видел его глаза. Я замечал, как ему тяжело играть на четвертом тромбоне. Конечно, он уже мечтал о руководстве, о дирижерской палочке, о подиуме...

Между тем у Войтовича в медицинском институте был свой собственный маленький джаз-оркестр:

– Всего-то четыре-пять музыкантов. Одно время был трубач, потом окончил институт и ушел. Вместо него появился кто-то другой, я предпочитал набирать людей из профессионалов. Я сам по слуху аранжировал, расписывал ноты, и хоть оркестр формально был любительским, он очень хорошо звучал и считался в джазовой среде довольно популярным и известным.



Михаил Финберг – главный дирижер оркестра Минского цирка. 1975 год



Михаил Финберг с невестой Аллой Гофман. Бобруйск, 26 ноября 1970 года

Благоволило к оркестру и вузовское начальство. Гордилось, приглашало на мероприятия.

– И вот случилось так, – продолжает свой рассказ Владимир Войтович, – что где-то в 1969 году я пригласил Мишу в мединститут тромбонистом. Мы взяли его вместо Юры Василевского, который был на год его старше. Юра уехал в Гомель и возглавил оркестр Гомельского цирка. А мы взяли Мишу, и ему пришлось поучиться немножко другому, чем его учили в военном оркестре и в консерватории. Мы же в основном играли импровизацию. Где-то сопровождали солистов, где-то сами что-то исполняли... Много играли вечерами, выступали с концертными программами.

Первое время Финбергу приходилось очень не просто.

– Он не умел играть джаз, мы его учили, – признается Владимир Александрович. – Миша в те времена любил маршевую музыку, военную. Это была его стезя. Он с детства видел себя военным дирижером вроде Бориса Пенчука, который блистал в белом кителе на минских парадах.

И, конечно же, это сказывалось на свойствах его игры.

– Миша играл громковато, открытым звуком, в его игре не было особенных оттенков, которые хотелось бы слышать, – честно признает Войтович.

Впрочем, и сам Финберг впоследствии относился к себе как к тромбонисту крайне критично. Говорил, что его музыканты в Национальном концертном оркестре играют гораздо лучше него, и по этой причине в последние 30 лет вообще не брал в руки тромбон.

В 1970 году Финберг оканчивает консерваторию, Войтович и его музыканты – мединститут. Но они не расстаются. Продолжают репетировать в комитете комсомола. В 1972 году в честь 50-летия образования СССР отправляются в гастрольную поездку в Узбекистан.

– Ташкент, Самарканд, Бухара, Хива – по тем временам это был фейерверк! Прием на высшем уровне, вторые лица в правительстве, Министерство здравоохранения, профсоюзы...

В последующие годы у Финберга было много таких приемов. Этот, по всей вероятности, был первым.

Так что в оркестр Минского цирка Финберг в 1970 году пришел подготовленным. Это был коллектив особенный. Музыканты во главе с Борисом Райским после войны репатриировались из Шанхая, где они играли самый настоящий диксиленд. Долгое время мыкались, Райский отсидел, в 1954 году вышел на свободу и несколько лет со своим оркестром работал в Прибалтике.

– Райский репатриировался вместе с Олегом Лундстремом, который даже приглашал его в Москву, но в том году открылся Минский цирк. Это был единственный такой цирк на территории Советского Союза – современный, комфортабельный, с удобным местом для работы, – рассказывает Владимир Войтович.

Поступило предложение, и оно было принято.

– Это была очень грамотная публика – образованная, интеллигентная, воспитанная, – вспоминает Войтович. – Каждый играл на нескольких инструментах. Пианист мог взять скрипку, барабанщик – сесть за флейту... То есть они все были взаимозаменяемые, и школа у них была американизированная.



Михаил Финберг с сыном Александром (Эли).
Минск, вторая половина 1970-х годов

Когда Райского пригласили главным дирижером в оркестр Радиокомитета, музыканты остались в цирке. Сослались на то, что им неудобно, получив от цирка квартиры, прыгать с места на место. Возможно, они (вполне справедливо) опасались, что на радио им придется играть совсем другой репертуар.

Райский довольно долгое время возглавлял оба коллектива, но затем ему пришлось выбирать. И тогда для Финберга настал звездный момент, которым он сумел воспользоваться.

– Это было трудно, надо было пройти утверждение в Москве! – вспоминал Михаил Яковлевич много лет спустя. – А там требовали, чтобы у дирижера цирка была за плечами аспирантура!

И будьте уверены – аспирантура за плечами у него была! И было уже понимание джаза, способность разговаривать с музыкантами Райского на одном языке.

– Вот это была его стезя! – убежден Владимир Войтович. – В оркестре цирка он чувствовал себя великолепно. Конечно, музыка там во многом специфическая, но это был набор самых разных духовых инструментов, что ему импонировало. Он понимал это дело.

Так начался его путь к созданию Национального концертного оркестра Республики Беларусь. Путь, усыпанный не только розами, но и терниями, и болью одиночества и непонимания.

«Эти люди меня за человека не считают! Считают, что я какой-то там музыкантишка!»

Одиночество в толпе

26 ноября 1970 года Михаил Финберг женился на 21-летней бобруйчанке Алле Гофман. Свадебный стол был накрыт на турбазе под Бобруйском, на торжество съехались обе семьи и множество друзей.

Но уже на свадьбе обнаружилось, что семьи слишком разные, что между ними нет общего языка, хотя и те и другие разговаривали на идиш.

– В какой-то момент, в самом разгаре всеобщего веселья свадьба моих родителей оказывается на грани срыва, – повествует со слов старших родственников Эли Финберг. – Что-то сильно не понравилось суровому Янкелю, кто-то с маминой стороны что-то не так сказал или не так посмотрел. Янкель встал из-за стола и, обращаясь к сыну и супруге, хмуро произнес на идиш тоном, не терпящим пререканий: «Собирайтесь, мы уезжаем!» И сразу решительно направился к выходу. За ним бросилась бабушка Года и еще кто-то. Дедушку все же успокоили, и он вернулся на свое место во главе стола. После этого, к удовольствию всех присутствующих, успевших уже изрядно охмелеть, свадьба продолжилась. Я был спасен, еще не родившись.

Но надлом уже произошел, и дальше пропасть будет только расширяться. Уже на следующее утро она была непреодолимой.

– Я только-только после института уехал работать в Гродненскую область, а Миша звонит: «Володя, приедешь? Ты же мой ближайший друг! У меня свадьба в Бобруйске», – вспоминает Владимир Войтович. – Я из одного конца Беларуси в другой, из Новогрудка в Бобруйск... И точно, свадьба! Жену его я тогда в первый раз увидел, и она мне не приглянулась. Но самое яркое было на следующий день. Открывается дверь, и Миша, весь в слезах, бросается мне на грудь: «Отец! (Мои музыканты в мединституте почему-то называли меня отцом.) Эти люди меня за человека не считают! Считают, что я какой-то там музыкантишка!» А он уже видел себя крупным организатором. «Куда я попал? Куда я влип?»

Так годы дирижерского становления Финберга совпали с годами его трудного брака.

– Алла, его жена, нелюдимая была, – продолжает свой рассказ Владимир Войтович. – Сына прятала, не показывала никому. Да и к мужу у нее отношение было странное, диковатое. Не знаю, зачем он тогда женился. Может быть, посчитал, что так нужно.

Потом Алла вместе с сыном уехала в Канаду, и он ни ей, ни ему этого не простил. Контакт не поддерживал и всегда гневался, когда его спрашивали о сыне:

– У меня с ним контактов никаких! Нет, нет и нет! Потому что я ему не разрешал никуда уезжать! Я был против этого!

Он чрезвычайно враждебно относился к самой идее эмиграции. В 1970-х годах, когда открылась дверь в Израиль, жаловался Войтовичу: «Эти евреи приходят вечером... – и называл конкретно одного, другого, третьего, – и тащат, поехали в Израиль!»

Отношения с собственным еврейством у него, как я понимаю, были сложные, а после отъезда жены и сына еще более обострились.

И отношения с людьми.

В цирке, где он 25 лет был главным дирижером, было в чем-то проще.

– Каждый день в цирке начало программы – это веселье, премьера – это веселье, провожают кого-то – это веселье! Мы все любили друг друга, – вспоминал он много лет спустя.

С гордостью и радостью рассказывал о своей дружбе с Юрием Никулиным. О том, как объездил полмира с Олегом Поповым, как дружил с Игорем Кио и многими другими артистами.

Свое одиночество он даже любил. Хорошо и удобно наладил свой быт.

– Он тогда получил квартиру на Круглой площади, – рассказывает Войтович. – Звоню ему: «Миша, как ты?» – «Да все нормально, я сам себе стираю! Мне же ничего особого не надо...»

Михаил Финберг, дирижер Олег Лундстрем, трубач Валерий Щерица.
1988 год



Одинокая жизнь позволила ему полностью отдаться своей страсти. А этой страстью была работа.

«Фраза, которая сопровождала его всю жизнь: „Скорее бы утро, да на работу!“»

– Одной из самых сильных черт Миши Финберга была его потрясающая работоспособность, – говорит Войтович. – Я встречал людей, буруемых идеями в своем искусстве. Я это видел и в медицине. Но в любой сфере это редкость. А еще казалось, что он может работать по 24–26 часов в сутки. Фраза, которая сопровождала его всю жизнь: «Скорее бы утро, да на работу!» Это было всегда! Только закончим что-то играть – нет, ему надо всегда и всегда, ему всегда не хватало! Может быть, поэтому он заставлял и других держать себя в таком тоне.

Дисциплина и обязательное высшее образование – две идеи фикс, руководившие им на посту директора – художественного руководителя и главного дирижера Национального академического концертного оркестра Республики Беларусь. Он гордился своими музыкантами; гордился, что оркестр первым в стране получил звание заслуженного и звание национального, что первым из эстрадных коллективов стал академическим.

В коллективе был строжайший сухой закон: невозможно было даже представить, что кто-то придет на репетицию подшофе или «после вчерашнего».

Для него сама музыка была средоточием дисциплины. Ритм, длительности нот, высота звука – все это точно зафиксировано в нотах, и он добивался этой точности. Добивался сам, без помощников, без ассистентов. Сам тянул всю административную нагрузку – возможно, из врожденной потребности все контролировать, а может быть, из желания загрузить себя по полной программе, чтобы не оставалось никаких зазоров для грустных мыслей, для тоски, для сожалений.

День за днем он вставал в пять утра и работал, работал, работал. Он был как мощный, ритмично работающий мотор, с каждым годом набиравший обороты. Он говорил:

– Первое у меня – государственный план. Я должен делать в среднем 177 концертов. Это очень много! Это большие переезды! 350 километров в одну сторону, 350 километров в другую. Заказать транспорт, людей покормить, позаботиться, чтобы они не замерзли...

Фестивали, концерты, люди, люди, люди... И фестивали, и людей он создавал своими руками – как педагог,

наставник, художественный руководитель, как продюсер, в конце концов. Он никогда не говорил о себе как о продюсере, но был им, причем очень мощным.

Это он из Всесоюзного фестиваля польской песни сделал «Славянский базар» и добился того, чтобы под идею «Славянского базара» был создан Национальный концертный оркестр. Это его шагами была обмерена фестивальная площадка в Зеленой Гуре, чтобы в 1988 году архитектор Бабашкин повторил ее в проекте Летнего амфитеатра.

– В этот фестиваль заложен труд не только музыкантов, но и колоссальный труд наших звукорежиссеров, наших инженеров, которые работают с нами по сегодняшний день, – вспоминал он много лет спустя. – Тогда же ничего не было! Сейчас даже трудно себе это вообразить! Но мы работали, не хныкали.

Он умел ценить труд и профессионализм тех, кто работал с ним рядом. Порой даже нарочито подчеркивал: «Смотрите, как сделано! Сейчас так не умеют! Учиться, учиться и учиться!»

Он гордился сделанным, и сделанное действительно огромно.

«Я хотел бы, чтобы меня хоть немножко любили, как я люблю свою Родину и своих музыкантов».

Что значит 38 программ на тексты белорусских поэтов-классиков? Это значит, что Финберг кому-то заказывал песни на стихи белорусских поэтов, двигая тем самым белорусскую композиторскую школу, белорусскую эстраду. Кроме «Славянского базара», он создал Национальный фестиваль белорусской песни и поэзии в Молодечно. Он год за годом отработывал эти фестивали... и очень болезненно реагировал, когда его пытались оттеснить.

И всегда он работал только живьем, безо всяких фонограмм! Это был его принцип, его кредо, его честность в искусстве. На концерте Финберга ты всегда мог быть уверен, что играющие – играют, а поющие – поют. Он задавал этот жесткий стандарт и глубоко презирал тех, кто использует «фанеру».

И никогда он не позволял себе быть вялым, сонным, уставшим. Появляясь на сцене, сразу задавал не только ритм, но и настрой, от которого буквально трещал воздух.

Может быть, поэтому он – в жизни глубоко одинокий – столь успешно собирал вокруг себя талантливых людей.



Михаил Финберг на закладке звезды Национального концертного оркестра на Площади лауреатов «Славянского базара». Витебск, 14 июля 2016 года

– Нет сегодня такого артиста, который не поработал бы с этой ручкой, – говорил он, кокетливо помахивая в воздухе элегантной дирижерской рукой.

В последний год жизни его вечный двигатель вдруг забарахлил. Не помогли ни легендарная овсянка на воде без соли, ни пятикилометровые пешие прогулки.

Вспоминаю очень грустную пресс-конференцию в апреле 2021 года, посвященную грядущему Национальному фестивалю белорусской песни и поэзии в Молодечно. Было видно, что Финберг очень болен, что ему трудно говорить, но он пытался, и пытался, и пытался высказать все, что было для него дорого и важно. Быть порядочным, держать профессиональную планку, отдавать долг памяти тем, кто от нас ушел... Сохранить фестиваль в Молодечно... Любить Родину... Провести авторский концерт Лученка... И чтобы наша пресса обязательно об этом рассказала!

Знал ли он, что уже не войдет в 2022 год?

И сегодня, в дни его юбилея, в дни его памяти, вспоминаю его завещание:

– Я хотел бы, чтобы меня хоть немножко любили, как я люблю свою Родину и своих музыкантов.

И понимаю, что это сердце-мотор в действительности было очень хрупким и нежным. И недооцененным – при всех регалиях, почестях и наградах.

Юлия АНДРЕВА
Фото из архива автора